
НАЗАД К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: КОНЦЕПТЫ ЭМЕРДЖЕНТНОСТИ И ИНДИВИДУАЦИИ В СВЕТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С.Г. Чукин

*Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии*

Аннотация: *Онтологический поворот в современной философии, главной целью которого является преодоление эпистемологических и методологических затруднений, вызванных длительным периодом доминирования кантовских ограничений, стал катализатором для решения проблем, долгое время пребывавших в «замороженном» состоянии. Одна из них — онтологический статус эмерджентных объектов, каковыми является большинство индивидуальных единичных феноменов. Анализ с точки зрения теории индивидуации, дополненной концептом ассамбляжа (сборки), позволяет рассматривать их не как несущественные и второстепенные отражения общих сущностей, но как самостоятельные онтологические единицы с сингулярными свойствами, возникшие в результате длительного процесса становления из до-индивидуального состояния.*

Ключевые слова: *онтологический поворот, корреляционизм, эмерджентность, индивидуация, Жильбер Симондон, Мануэль ДеЛанда, ассамбляж.*

Несмотря на то, что круг философских вопросов был очерчен еще античными мыслителями, их иерархия, формулировки и способы решения, время от времени, меняются, иногда — весьма существенно. В последнем случае говорят о «перевороте» в философии, а когда изменения оцениваются как не слишком кардинальные, для их обозначения используется метафора «поворота» [Савчук 2013]. Принято считать, что в истории философии случился один переворот (осуществленный Кантом) и несколько поворотов, произошедших уже после него. Привлекает внимание то обстоятельство, что эти повороты объединяет анти-реалистическая направленность, проявившаяся многими способами, в частности — озабоченностью проблемами смерти и конечности, антипатией к науке, повышенным вниманием к языку, дискурсам, культуре, субъективности, социальным практикам, отказом от поиска абсолютных понятий. Известными представителями этого тренда в философии XX века были лингвистические теории, феноменология, экзистенциализм, структурализм, постструктура-

лизм и постмодернизм. Для всех них характерно открытое или закамуфлированное игнорирование объективной реальности, отказ видеть в ней что-то большее, чем просто коррелят мыслящего картезианского человека. Как пишет Квентин Меияссу, эта позиция основывается на идее, «согласно которой у нас есть доступ только к тому, что коррелируется между мышлением и бытием, и никогда — к чему-либо, находящемуся вне этой корреляции [Meillassoux 2008: 5]. Из этого следует, что мы ориентируем свои мысли на то, чтобы быть, существовать как «существа-в-мире», или иметь феноменальный опыт мира, но мы никогда не сможем иметь надежное знание о сфере, независимой от мысли или языка.

Истоки этого корреляционизма находятся в критической философии Канта, которая отказалась от возможности что-либо знать о ноуменальной сфере, недоступной для человека. Кантовский «переворот» в философии вывел на первый план не разум, который соответствует объектам, а объекты, которые соответствуют разуму. Опыт структурирован априорными категориями и формами интуиции, включающими необходимое и универсальное основание для всего знания. Ценой, которая заплачена за обеспечение этого основания, является отказ от любого знания вне того, как вещи являются для нас. Действительность сама по себе закрыта, по крайней мере, в её когнитивных аспектах. Ли Брэвер, написавший обстоятельный труд по истории европейского анти-реализма, показал, что этот кантовский запрет, с его анти-реалистическими импликациями, является незаживающей раной на теле континентальной традиции, затрагивая почти каждую ключевую фигуру, от Гегеля к Хайдеггеру и Деррида. Брэвер утверждает, что даже у Хайдеггера онтология оказывается явно связанной с редукцией к феноменальной области, отклоняя тем самым возможность независимого от субъекта Абсолюта. И замыкает этот ряд Деррида, сделавший язык всеобъемлющим посредником и ограничивший объекты феноменальной сферы только лингвистическими характеристиками [Braver 2007: 17].

Такое сокращение действительности до её умопостигаемого фрагмента, делает нас беспомощными при объяснении вещей, которые не являются отражениями сознания, но присутствуют в реальном мире в качестве фактов, как бы «прорвавшись» в него из области, заведомо объявленной непознаваемой. Еще в конце 19-го века на это обстоятельство обратили внимание ученые и философы, позже названные эмерджентистами. Они утверждали, что в феноменальном мире, время от времени появляются неожиданные, принципиально новые объекты, обладающие свойствами и способностями, которые каузально не связаны с прошлым, с условиями, в которых они возникали. Дж.Г. Льюис, введший в 1875 году термин «эмерджентность» для характеристики таких феноменов, опирался на господствующую в тогдешнем естествознании модель объяснения, в основе которой лежала каузальная редукция или подведение под закон. То есть, нечто является эмерджентом, если его нельзя дедуцировать из закона или предвидеть в качестве следствия известного причинного фактора. Поскольку такое объяснение не работает применительно к эмерджентным объектам, первые эмерджентисты не нашли ничего лучшего, чем приписать их возникновение действию невидимой мистической силы, признать их как грубый факт и относиться с «естественным пиететом» [Alexander 1920: 46–47].

Это неутешительное заключение, ставящее под сомнение природу и возможности объяснения, в особенности каузального, было следствием громадного влияния, которое оказывал кантовский априоризм на философское и научное мышление, препятствуя их обращению к реальности самой по себе, независимой от сознания. Но эта реальность существует объективно, она представлена множеством единичных, чувственно воспринимаемых вещей, явлений и процессов, которые откуда-то возникли, а не являются бледными копиями нашего сознания, ибо в этом случае в них не было бы ничего нового и непонятого. Познание этой реальности предполагает реконструкцию связи между составляющими её объектами и породившими их условиями. Такая реконструкция возможна, но она требует обращения к онтологии, поскольку концепция причинной связи прямо зависит от онтологических обязательств

философии. Здесь приходится выбирать между тремя возможностями. Если связь между причиной и её результатом рассматривается как нечто, сводимое к концептуальным или лингвистическим категориям, то, скорее всего, мы имеем дело с идеализмом; если причинная связь сужена до наблюдаемого постоянного соединения причины и следствия, то речь идет об эмпиризме или позитивизме; если же причинность считается объективной связью между событиями, то есть связью, в которой одно событие производит другое событие, то утверждающая это философия называется реализмом или материализмом.

Своего рода тестом, лакмусовой бумагой для проверки добротности концепции причинной связи, считается решение проблемы соотношения физического и ментального, в том числе вопроса о природе сознания. На протяжении прошлого столетия в философии доминировали теории, утверждающие определяющую роль социальных и культурных факторов в возникновении, функционировании и развитии сознания. Мозгу во всех этих процессах отводилась второстепенная, вспомогательная роль. Однако успехи нейробиологии в исследовании нервной системы человека, сделанные в последние десятилетия XX века, дают повод для пересмотра указанного соотношения. Ученым удалось доказать наличие связи между биохимическими изменениями в нейронах и когнитивными способностями и поведением, и не исключено, что дальнейшая работа в этом направлении приведет к тому, что ментальные процессы будут редуцированы к нейронным, и философия будет вынуждена принять научно-материалистическую позицию в решении вопроса о природе идеального.

Внимание к реальности самой по себе необходимо для объяснения источника большинства злободневных для современности проблем, таких, как изменение климата, углубляющийся дисбаланс в распределении полномочий между человеком и машиной, неудача универсальных и стандартизирующих моделей в политической, экономической и культурной областях. Природная и социокультурная действительность не укладывается в прокрустово ложе теоретических моделей, создаваемых учеными, демонстрируя новизну, нестандартность и непредсказуемость происходящих в ней процессов, неспособность их постижения с помощью привычных объяснительных схем.

Все вышесказанное обусловило реалистический поворот в философии, который проявился в реабилитации материализма, в пересмотре концепции причинной связи, в частности понятия редукции, а также реанимировал концепт эмерджентности, незаслуженно преданный забвению из-за того, что его идеал противоречил стандартам линейной каузальности ранних эмерджентистов и, как казалось, апеллировал к необъяснимым и мистическим уровням реальности. Субъектами этого поворота считаются как известные в философском сообществе имена, так и совершенно новые. К первым относят Алена Бадью (Alain Badiou), Славоя Жижека (Slavoj Žižek), Бруно Латур (Bruno Latour), из вторых наиболее заметными, на наш взгляд, являются Мануэль ДеЛанда (Manuel DeLanda), Квентин Меияссу (Quentin Meillassoux), Грехэм Харман (Graham Harman) и Альберто Тоскано (Alberto Toscano). Это очень разные по своим научным и философским интересам мыслители, но объединяет их то, что они, так или иначе, исходят из признания реальности, независимой от мысли и человека, и представленной актуально существующими индивидуальными явлениями, событиями и процессами. М. ДеЛанда уточняет, что применительно к социальной реальности невозможно говорить об её независимости от человеческого сознания, поскольку большинство социальных объектов, от небольших сообществ до крупных национальных государств, не были бы возможны без человеческого разума. Следовательно, реалистический подход к социальной онтологии должен утверждать автономию социальных объектов от теорий, которые о них создаются: «Говорить о том, что социальные сущности обладают реальным бытием, независимым от теории о них, значит утверждать, что теории, модели и классификации, которые мы используем для их изучения, могут быть объективно ошибочными, то есть, они могут и не отражать историю и внутреннюю динамику этих сущностей» [DeLanda 2006: 1].

Ключевым новые реалисты считают вопрос об онтологическом статусе актуально существующих объектов: обладают ли они самостоятельным бытием в качестве единичных, индивидуальных, специфических сущностей, или же являются объективациями общего, будь то платоновская идея или биологический таксон. В последнем случае особенности, характерные для единичных объектов, считаются несущественными, не обладающими самостоятельной ценностью и не влияющими на их идентичность. Иными словами, в центре внимания оказывается различие, поскольку оно придает объекту индивидуальное лицо, и делает его новым, непонятым, неожиданным, то есть — эмерджентом.

В отличие от постмодернистов, абсолютизовавших различие, новых реалистов оно интересует постольку, поскольку может стать отправной точкой для понимания того, откуда возникают реально существующие феномены, обладающие принципиально новыми, неожиданными признаками и свойствами. Таковыми является большинство фактов, относящихся к миру природы, а также все события, связанные с деятельностью людей. Современный человек живет в постоянно меняющемся мире, в отсутствие понятных, надежных и общезначимых мировоззренческих и поведенческих ориентиров. Методологические установки, рассчитанные на поиск и прояснение универсальных инвариантов, оказываются бесполезными для объяснения действительности, главной чертой которой является плюрализм рациональностей, и на первый план выходит не общее, а различие. Ситуация внешне напоминает ту, что в свое время стала поводом к появлению эмерджентизма, с той разницей, что сейчас говорят не об эмерджентных феноменах, а о «черных лебедях». Насим Талеб использует этот образ-понятие для названия события, обладающего тремя характерными чертами: «Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснение случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [Талеб 2017: 3]. Автор акцентирует свое внимание на значении таких событий в истории человечества, тогда как новые реалисты пытаются найти им объяснение, обращаясь не к человеческому мышлению или вмешательству мистических сил, а к источникам и детерминирующим факторам, принадлежащим к реальности как таковой.

Мануэль ДеЛанда, больше чем другие участники онтологического поворота интересующийся темой происхождения индивидуального и проблемой его познания, обращается к концепту эмерджентности, считая его незаслуженно забытым. Он полагает, что признание факта реального существования единичных, индивидуальных объектов, имеющих онтологический статус, не исключает возможности их научной концептуализации. Причину отказа прежних поколений эмерджентистов от попыток объяснения таких объектов, ДеЛанда усматривает в следующих обстоятельствах:

- в доминировании анти-реалистических установок в философском и научном мышлении;
- в эссенциалистской трактовке отношений между общим и единичным;
- в приверженности к жесткой детерминистской модели научного объяснения.

Соответственно, решение проблемы видится им в отказе от корреляционизма как формы анти-реализма, в признании за единичным онтологического статуса, замене эссенциалистского подхода эволюционным и в принятии нередукционистской концепции объяснения.

Утверждая реальность и онтологическую самостоятельность единичного, новые реалисты, для объяснения возникновения у него эмерджентных свойств, предлагают реконструировать путь (маршрут), который проходит объект, двигаясь к своему бытию в качестве единичного индивидуального феномена. Для этого они реанимируют концепцию индивидуации, которая, как считает А. Тоскано, появилась в виде вопроса: «Что делает индивидуальное индивидуальным?» Его сформулировал Аристотель в связи с поиском условий ясности в позна-

нии, когда столкнулся с трудностями в идентификации реально сущего, каковым у него являются единичные вещи. Таким образом, вопрос об индивидуации сразу же ассимилировался с вопросом спецификации, а именно — с необходимостью различения универсального, индивидуального и умопостигаемого. Тоскано выделяет у Аристотеля два способа индивидуации, которые можно обозначить как генетический и эпистемический [Toscano 2006: 31]. Первый встречается в аристотелевских работах по физике и зоологии, в контексте рассуждений о рождении и изменении, а второй представлен в его теории обобщения и предикации. Но оба эти способа связаны с гилеморфизмом в понимании индивидуации. Теоретически, опыт всегда есть соединения материи и формы. Наука, выполняющая двойную работу, — обобщения и утверждения, — интересуется познанием общего, а точнее — извлечением формы. И все же, индивидуальное само по себе, и в генетическом, и в эпистемическом понимании, отличается от материи, поскольку его бытие предполагает определенное содержание. В этом смысле материя сама мыслится как принцип индивидуации.

Это двоякое требование, с одной стороны, универсальности, а, с другой стороны, материи в качестве принципа индивидуации, заводит Аристотеля в тупик. Потому что в этом случае индивидуальное бытие представляет собой случайную композицию материи и формы. То есть, непонятно, как материя, в качестве чистой потенции, будучи совершенно неопределенной, должна вызывать индивидуацию. Поскольку такое понимание влекло за собой значительные последствия для ценности человеческой личности, вокруг принципа индивидуации, впоследствии, особенно в средние века, возник ожесточенный спор. Фома Аквинский, Бонавентура, Александр Гальский следовали учению Аристотеля и считали материю, имеющую конкретные количественные и пространственные параметры, принципом индивидуации. Генрих Гентский, Роджер Бэкон и Дунс Скот, напротив, усматривали принцип индивидуации в форме. Уильям Оккам вообще считал постановку вопроса о принципе индивидуации беспредметным, поскольку полагал, что реально существуют только индивидуальные и единичные вещи, и правильнее спрашивать, что является источником общего, которое дает нам право говорить об индивидуальных предметах в форме всеобщности¹.

Несколько в стороне от указанных выше споров стоял Николай Кузанский, которого тема индивидуации интересовала как исключительно онтологическая, связанная с его иерархической концепцией бытия, где индивидуальное рассматривается как цель индивидуации, имеющая самостоятельную ценность и смысл. Он утверждал, что реально существующие, чувственно воспринимаемые вещи «стягивают» общие родовые и видовые характеристики в конкретную актуальность: «...актуально существует только единичное, в котором универсалии суть конкретным образом оно само» [Кузанский 1979: 114]. Вид выступает в роли общего, является хранилищем сущностных характеристик всех индивидов, к нему принадлежащих. Это пространство возможностей, границами которого являются максимум и минимум видовой определенности: «Все конкретное заключено в этом промежутке между максимумом и минимумом, так что хотя для каждой данной вещи мыслима и большая и меньшая степень конкретизации, однако без ухода в актуальную бесконечность» [Кузанский 1979: 143]. Говоря о различии конкретно определенных вещей, Кузанский обращал внимание на то, что ни одна из них не может достичь максимума или минимума своей определенности, ибо это будет означать ее исчезновение как индивидуальной вещи. Так, например, человек содержит в себе элементы низшего (животного) и высшего (божественного) вида, а потому, если он переходит границы минимума человечности, то превращается в животное, а если выходит за пределы максимума, то приближается к богу. Поэтому в любое время и в любом месте есть индивиды более или менее совершенные, в зависимости от того, к какому из полюсов, максимуму или минимуму они приближены.

¹ Этот период в истории концепта индивидуации обстоятельно описан в книге С. Неретиной и А. Огурцова «Пути к универсалиям». — СПб.: РХГА, 2006

Позже, в Новое время, тема индивидуации была реанимирована Готфридом Лейбницем, защитившим в 1663 году магистерскую диссертацию под названием «О принципе индивидуации». В ней он отстаивал номиналистическую позицию и утверждал, что решение проблемы лежит в признании того, что в действительности существуют только индивиды, и что источник индивидуации нужно искать не в какой-то части вещи, а считать предметы индивидуированными по причине их целостности. В «Новых опытах о человеческом разумении» он так выразил эту мысль: «...индивидуальность заключает в себе бесконечность, и только тот, кто в состоянии охватить её, может обладать знанием принципа индивидуации той или иной вещи» [Лейбниц 1983: 291].

Джон Локк, в «Опыте о человеческом разумении» посвятил принципу индивидуации специальный фрагмент: «Этот принцип, очевидно, есть само существование, определяющее предмету любого вида его время и место, которые не могут быть общими у двух предметов одного и того же рода» [Локк 1985: 381–382]. Локк и его сторонники считали, что индивидуация на основании признаков невозможна, ибо это связано с бесконечной детализацией. Чтобы избежать её, необходимо указать «траекторию» индивидуации, под которой понималась пространственно-временная локализация.

Затем в обсуждении этой темы наступил перерыв, который можно объяснить тем, что она утратила свою актуальность, поскольку в философии и науке акценты сместились в сторону общего, возобладал эссенциалистский тип мышления, в соответствии с которым единичное и индивидуальное стало рассматриваться как реализация общей сущности. Классическим примером является гегелевская диалектика, в которой индивидуация есть не что иное, как процесс восхождения от абстрактного к конкретному в ходе объективации Абсолютного Духа. Конкретное, как результат этого восхождения, представляет собой не индивидуальное, а конкретно-общее. Оно не обладает онтологической самостоятельностью, не имеет признаков, свойств и способностей, которые не наличествовали бы в абстрактно-общем. Без ответа в этом случае остается вопрос о том, откуда берутся неожиданные, необъяснимые и несводимые к общему индивидуальные феномены, которые встречаются на каждом шагу? Например, запах можно определить как ощущение, причиной которого являются события, происходящие на молекулярном уровне. Но невозможно понять по запаху, какие именно молекулы его вызвали, и какие закономерности им присущи. Другим примерам может быть факторизация целых чисел в математике. Фрэнк Вильчек, получивший Нобелевскую премию по физике за открытие эффекта асимптотической свободы, пишет: «Мир не дает своей собственной уникальной интерпретации. Мир предлагает множество возможностей для разных вселенных, основанных на разных чувствах, которые способствуют совершенно разным интерпретациям значимости мира. В этом смысле наша так называемая Вселенная очень похожа на мультивселенную» [Вильчек 2017: 24]. Об этом же говорит и Ричард Фейнман, когда скептически оценивает объяснительные возможности закона. Он приводит в качестве примера закон гравитации, имеющий три разные формулировки, которые, тем не менее, дают одинаковые прогнозы, и не имеет, как он считает, смысла рассуждать о том, какая из них представляет более реальное описание гравитационных процессов. Первая формулировка описывает закон в терминах силы и ускорения, вторая основана на понятии поля, а третья рассчитана на тех, кто не приемлет действие на расстояние. Причинность в последнем случае не имеет никакого значения. Для описания того, как частица перемещается из одной точки в другую, нужно иметь в виду, что есть три возможных маршрута: прямой, кривой и зигзагообразный. Можно рассчитать, сколько времени потребует переход по каждому из них. И можно быть уверенным в том, что частица выберет наименьший с точки зрения времени маршрут. Фейнман пишет: «Нам не нужно думать о причинности, о том, что частица чувствует притяжение и движется в согласии с ним. Вместо этого мы говорим, что она разом «обнюхивает» все кривые, все возможные пути и решает, какой выбрать (выбирает тот, для которого наша величина — минимальная)» [Фейнман 1987: 45].

Новизна, индивидуальность, единичность объектов феноменального мира дает основание предположить, что их возникновение не является следствием линейного, однозначно детерминированного развития из предшествующего состояния. Само это состояние должно быть переопределено, понято иначе, не как потенция, эмбрион, содержащий в свернутом виде все богатство будущей своей актуализации, но как пространство возможностей, как набор свойств. Путь, маршрут индивидуации, а также её механизмы следует рассматривать как существующие отдельно от этих свойств, хотя и связанные с ними, но не только с ними, но и с другими факторами, внешними по отношению к этим свойствам. Первый шаг в этом направлении сделал А.Н. Уайтхед.

Уайтхед был солидарен с Аристотелем в том, что существуют только единичные, конкретные вещи, которые содержат общие признаки. Главный вопрос, интересующий философов, состоит в том, чтобы понять, почему и как эти единичные феномены могут обнаруживать отличные от них самих и в то же время им присущие сущности. Истоки индивидуального Уайтхед усматривал в до-индивидуальном бытии, которое он назвал «Изначальным». Это «универсалия универсалий», в которую, имплантирована креативность, понимаемая как стремление к порождению нового состояния. Оно «больше, чем это» [Уайтхед 1990: 300]. «Креативность» есть принцип новизны. Действительное происшествие есть новое существование, отличное от любого элемента во «многом», которое оно объединяет... Конечный метафизический принцип есть поступательное движение от расчленения к соединению, созидающее новое существование, отличное от элементов расчленения... Многое становится единым и обогащается единым» [Уайтхед 1990: 29].

Креативность не имеет у Уайтхеда какой-то определенной цели, то есть, не направлена на создание чего-то. Есть только становление. До-индивидуальное бытие у него — это пространство возможностей, а действительность — это реализованная возможность. Но почему одни возможности реализуются, а другие — нет? Отвечая на этот вопрос, Уайтхед говорит о процедуре «исключающего ограничения»: для одних возможностей появляются условия реализации, для других — нет. Если нечто произошло, то значит, возможность его небытия оказалась устраненной.

Уайтхед был убежден, что понимание актуально существующих вещей возможно только через воссоздание пути, маршрута их возникновения. Иной возможности нет, сколько бы мы не пытались взглянуть в реально существующий мир. Для решения этой задачи он реанимирует понятие становления. Уайтхед различает два вида становления. Первый — это процесс конституирования отдельно существующего феномена, происходящий посредством сращения. Второй вид становления — переход от объекта, появившегося в результате сращения, к новому объекту: «Сращение — это название процесса, в котором универсум вещей приобретает индивидуальное единство в результате подчинения «многих из них» конституированию «одной» новой вещи» [Уайтхед 1990: 298]. Результатом сращения является новая вещь, актуальная сущность, актуальное событие.

Уайтхед видел смысл и содержание индивидуального в том, чтобы быть частью целого. Оно подстроено под него. При таком понимании индивидуальное не является чем-то новым, неожиданным, то есть, оно не есть эмерджент. Соответственно, до-индивидуальное представляет собой набор реальных условий, из которых, посредством сращения, происходит индивидуация. Но что является источником активности, мы у Уайтхеда не найдем. Креативность, в которой он видит это начало, должна иметь целью создание чего-то. Однако такой цели нет, есть только становление.

Таким образом, Уайтхед прерывает традицию рассмотрения индивидуации в терминах отношений между формой и содержанием, которая ориентирована на отыскание принципа индивидуации в одном из этих начал, и предлагает принципиально иное решение проблемы. Индивидуальное, согласно его подходу, является результатом процесса, в котором главную

роль играет механизм, обеспечивающий возникновение индивидуального объекта из предшествующего состояния.

Теоретическая реконструкция этого процесса и объяснение его механизма побудили следующее поколение исследователей данной проблемы отказаться от типологической, эссенциалистской методологии рассмотрения отношения между общим и единичным и найти другую, подходящую для решения этой задачи. Для эссенциалистского мышления единичное и индивидуальное есть не что иное, как объективация общего, в роли которого выступает тип, род, вид и любой другой таксон, имеющий онтологический статус. Тогда единичное, индивидуальное рассматривается как следствие логического дифференцирования общего, и в нем не может, и не должно быть ничего неожиданного и недоступного объяснению. Поскольку природные и социальные факты говорят об обратном, резонно предположить, что индивидуальное возникает другим путем, который включает в себя исторически случайные влияния и механизмы, недоступные типологическому мышлению, но постигаемые с помощью другой методологии, опирающейся на эволюционное или популяционное мышление. Один из авторов синтетической теории эволюции Э. Майр характеризует его так: «Популяционист подчеркивает неповторимость любого явления в мире живого. Как среди людей нет двух одинаковых индивидуумов, так нет их и среди других видов животных и растений... Все организмы и жизненные явления обладают индивидуальными особенностями и в совокупности могут быть описаны только в терминах статистики. Особи или любые иные органические единицы жизни образуют популяции, для которых мы можем определить среднее арифметическое и статистические характеристики изменчивости. Средние цифры представляют собой лишь статистические абстракции; реальны только особи, которые составляют популяции. Окончательные выводы популяциониста и типолога прямо противоположны. Для типолога тип (эйдос) реален, а изменчивость иллюзорна, тогда как для популяциониста тип (среднее) — это абстракция, и только изменчивость реальна» [Майр 1974: 13].

Если понимать действительность не как объективацию общего, а как множество различного масштабируемых индивидуальных феноменов, то онтология приобретает не иерархический, а плоский вид. И тогда «тайну» актуально существующих индивидуальных феноменов следует искать в области, предшествующей их появлению, которую Жильбер Симондон называл «до-индивидуальным» бытием [Simondon 1994: 24]. Оно представляет собой не общую сущность, содержащую в себе начало будущего объекта, со всеми необходимыми свойствами и способностями, которые с логической неизбежностью воплотятся в действительность, но пространство возможностей, непредсказуемым, исторически случайным образом, посредством процесса индивидуации, порождающее специфический индивидуальный объект. До-индивидуальная сфера обладает избыточностью, пресыщенностью, оно — «больше, чем одно». Индивидуация выводит бытие из неразделенного и неопределенного состояния, детализирует его и «населяет» вещами. Она же должна объясняет эмерджентный характер свойств и способностей индивидуальных объектов.

Симондон, предложивший новый подход к проблеме индивидуации и задавший направление её дальнейшего обсуждения, утверждал, что понятие бытия имеет два смысла, которые часто смешивают, порождая этим множество недоразумений и ошибок. С одной стороны, бытие есть сущее как таковое, о котором можно сказать, что оно есть (в парменидовском смысле). С другой стороны, бытие — это существование индивидуальных, единичных вещей, как они нами чувственно воспринимаются. Эпистемология и логика имеют дело с бытием в первом смысле, поскольку единичное, индивидуальное бытие является для них относительным. Классическая же онтология, напротив, сосредотачивается на индивидуальном бытии, но считает его объективацией бытия вообще, что делает невозможным его познание. Симондон предлагает свое решение проблемы онтологического статуса индивидуально, которое включает в себя эпистемологический аспект. Он начинает с того, что заменяет понятие индивидуального понятием сингулярного, придавая последнему специфический,

философский смысл. С его помощью он пытается уйти от дихотомии универсальных типов и отдельных индивидуальных сущностей, как она представлена, в частности, в средневековой философии. Симондон отказывается понимать сингулярность как синоним индивидуальности, как нечто неперебиваемое и не обобщаемое. Для него она есть то, что Дунс Скот и его последователи характеризовали как «этость» (*haecceitas*). Сингулярный характер индивидуальной вещи означает, что она должна иметь эмпирическую толщину, которая обеспечивается не материей и не сознанием, а исключительно процессом собственного становления. Симондон назвал свой подход «генетическим монизмом» [Simondon 2012: 12], поскольку считал, что только генезис может предполагать единство, содержащее множественность. Подлинное единство бытия — это его становление, которое и есть индивидуация, и именно о ней, а не об индивидуальности стоит вести речь.

Благодаря онтогенетическому приему Симондона индивидуация оказывается реальным событием, но характеризуется присущей ей открытостью, непоследовательностью и относительностью. Вместо того, чтобы концептуализировать то, что было бы сущностью, присущей цепочке молекул, конкретному дереву, пятну цвета или кризисной ситуации в экономике, подход с точки зрения процессуальной онтологии отвергает любой «принцип индивидуации», любой общий закон, который был бы более фундаментальным, чем тот индивидуальный объект, к которому он применяется. В то же время Симондон дистанцируется от позитивистского подхода, который принимает индивидуальное в качестве начальной или конечной точки, оставляя без внимания промежутки, их соединяющий, то есть — становление.

Делая обзор существующих в западном мышлении концепций индивидуации, Симондон пришел к выводу, что они основываются на двух парадигмах: субстанциализме и гилеморфизме. Первый исходит из того, что принцип индивидуации присущ самому индивидуальному объекту, существует как его первичная основа и включает в себя его сущность. Гилеморфизм, с другой стороны, считает, что индивидуальный объект возникает тогда, когда форма (*morphē*) индивидуализирует аморфную и недифференцированную материю (*hylē*). Какими бы разными ни были эти две доктрины, у них есть нечто общее: принцип индивидуации у них логически предшествует процессу индивидуации. Независимо от того, рассматривается ли принцип как нечто, лежащее в основании объекта, который будет индивидуализирован (это будет субстанциальная версия), или же этот принцип является внешним (в гилеморфизме), сама индивидуация считается производным, вторичным процессом. Отклоняя идею принципа индивидуации, независимо от того, что было индивидуировано, Симондон понимает под субъектом индивидуации структуру, воздействующую на уровень индивидуации [Simondon 1994: 23].

Для прояснения структуры до-индивидуального и механизма индивидуации, Симондон заменяет понятия классической метафизики, такие, как субстанция, форма и материя, понятиями, заимствованными из словаря термодинамики и кибернетики: метастабильность, дефазировка, первичная информация, внутренний резонанс, потенциальная энергия и величина магнитуды. До-индивидуальное состояние объекта характеризуется метастабильным равновесием, то есть, пребыванием в состоянии хрупкой устойчивости. Его еще называют фазовым состоянием, или фазовым пространством, в пределах которого объект сохраняет свою качественную определенность. Границы фазового пространства напоминают границы между минимумом и максимумом, о которых писал Кузанский. Малейшего изменения системных параметров (давления, температуры, объема и т. д.) достаточно для того, чтобы равновесие нарушилось, и произошел фазовый переход.

Симондон иллюстрирует это на примере формирования кристалла. Для начала кристаллизации необходима определенная среда, которая должна иметь определенную температуру, чтобы обеспечить быстрый рост нового образования. Внедрение инородного тела, например, песчинки, играющей роль семени, нарушит метастабильность, инициирует процесс, а микроскопическая структура, уже представленная в этой песчинке, будет распространяться до тех

пор, пока не будет организована вся окружающая среда: «Рост является автоматическим и неопределенным; все последующие слои кристалла обладают способностью структурировать окружающую их аморфную среду, при условии, что эта среда остается метастабильной. В этом смысле кристалл наделен бесконечной силой роста; рост кристалла может быть остановлен, но никогда не завершен» [Simondon 1994: 86].

Нарушение метастабильного равновесия, запускающее процесс индивидуации, происходит из-за того, что до-индивидуальное состояние содержит в себе разнородные и находящиеся в напряженных отношениях друг к другу энергетические потенциалы. Индивидуальные сущности, возникающие в процессе становления, являются решениями проблем, которые возникают в до-индивидуальном состоянии, но каждое из этих решений сохраняется избыточность, свойство «быть больше, чем одно», присущее до-индивидуальному бытию. Бытие в качестве бытия полностью дано в каждой из своих фаз, но с резервом становления [Simondon 1994: 317].

Как уже говорилось выше, различие в понимании индивидуации у Симондона и его предшественников состоит и в том, что он использует другой понятийный ряд. Это хорошо иллюстрирует его пример с формообразованием глиняного кирпича. Гилеморфизм рассматривает это как наложение формы на материю и сохраняет из всего процесса только конечные моменты, то есть, форму и материю, оставляя в тени очень важный аспект, а именно, саму работу по формообразованию. Так, глина и параллелепипедная форма пресса есть только конечные точки двух технологических полу-траекторий, двух полу-цепочек, соединение которых дает индивидуацию глиняного кирпича. Такая индивидуация есть модуляция, в которой материя и форма представлены как силы. Глина не получает информацию о пресс-форме извне: она обладает потенцией к деформации, имеет положительное свойство быть деформированной, а потому пресс-форма действует как граница этой деформации. Следуя этой схеме, можно сказать, что это сама глина, которая принимает форму в соответствии с пресс-формой [Simondon 1994: 45]. Содержание никогда не является просто веществом, и форма, больше, чем просто форма. Это, скорее, осуществленная форма, получившаяся в результате того, что пресс-форма может воздействовать на материю, которая к этому готова и которая способна передать рабочую энергию работника от пункта к пункту, от молекулы к молекуле. Глина, в конце концов, может быть трансформирована в брикеты, потому что она обладает коллоидными свойствами, которые состоят в способности проведения деформирующей энергии, поддерживая способность связывать молекулярные цепочки. В таком описании индивидуация глиняного кирпича есть эволюционирующая энергетическая система, что отличает её от концепции гилеморфизма.

Механизм индивидуации, обеспечивающий передачу информации, Симондон называет трансдукцией и определяет её как «...физические, биологические ментальные или социальные операции, посредством которых активность распространяется от точки к точке в пределах домена, делая это посредством его структуризации. Управление этой структуризацией осуществляется от места к месту: каждый структурированный участок служит основанием для структурирования следующего участка» [Simondon 1994: 32]. Симондон расширяет свое понимание индивидуации за пределы неорганической сферы, на область живого и социального, стремясь преодолеть все еще влиятельную типологическую модель мышления, о которой говорилось выше. Он утверждает, что живой организм не является линейной реализацией схемы, содержащейся в генетическом материале, точно так же, как в физическом мире актуализация не исчерпывает всех возможностей до-индивидуальной сферы. Жизнь представляет собой непрерывное изобретение того, чего не было в начале и в детерминирующих факторах. В мире живого механизмом индивидуации также выступает трансдукция, но она имеет иной вид, чем в неорганической области. Живые существа осуществляют трансдукцию не путем распространения в однородной среде, но посредством разрешения начального состояния дефазировки или «диспаратности» между двумя системами в пользу нового спаривания

или сочетания. Такую трансдукцию Симондон называет «allagmatic» [Свирский 2017]. и иллюстрирует её примером возникновения бинокулярного зрения у млекопитающих. Аллагматическая трансдукция, соединяя разрозненные визуальные входы от оптических нервов, синтезирует их в «третье изображение», которое не может быть выведено ни из одного монокулярного потока. В этом смысле эволюция предстает как история возникновения новых форм и способов жизни, которые способны решать предыдущие проблемы. В отличие от прямого вида трансдукции, который можно найти в инертной физической сфере, этот косвенный, аллагматический вид трансдукции по своей природе изобретателен, поскольку он приводит к скачку в состояние, которое не может быть получено из предыдущих. Живое существо решает проблемы не только через адаптацию, то есть, путем изменения своего отношения к окружающей среде, но и посредством изменения себя, изобретая новые внутренние структуры» [Simondon 1994: 28]. Это означает, что оно одновременно является индивидуализирующей системой и системой, индивидуализирующей себя, создавая необходимые для выживания и решения проблем ресурсы по мере возникновения этих проблем.

Не исключено, что на понимание Симондоном индивидуации как изобретательства оказал влияние философствующий биолог Жорж Кангилем (Georges Canguilhem), входящий, кстати, в состав комиссии, перед которой Симондон защищал свою дипломную работу [Куртов 2011: 94]. Кангилем разработал теорию, в которой живые существа рассматриваются с точки зрения «живого окружения», а не через отношение к неорганической среде. Эволюция происходит потому, что любой живой индивид имеет отклонение от статистической нормы, то есть является ненормальным или даже патологическим. Сохраняя свое существование, он со временем начинает угрожать норме и, в конце концов, изменяет её, создавая, по сути, новую норму. Поэтому жизнь, как считает Кангилем, есть, в том числе, процесс «нормативного изобретательства» [Canguilhem 1998: 155–157].

Таким образом, если резюмировать сказанное выше, источником индивидуации, по Симондону, выступает различие, неравенство, характеризующее до-индивидуальную область и обрекающее её на неустойчивое, метастабильное существование. Нарушение этого равновесия, разрушающее границы фазового пространства и запускающее процесс индивидуации всегда является случайным событием. Метастабильность, следовательно, есть как обычное условие, так и ситуация постоянного пребывания на краю. Симондон пишет: «Предреволюционное состояние, состояние перенасыщения, — это положение, когда событие может произойти в любое время, когда структура готова мгновенно возникнуть, стоит только появиться её зародышу [Simondon 1994: 238]. В этом отношении физико-химическая и психосоциальная сферы не так уж сильно различаются. Некоторые предреволюционные ситуации могут быть разрешены потому, что «из ниоткуда» внезапно появляется идея, и сразу же возникает структура, готовая эту идею претворять в жизнь.

Понимание Симондоном индивидуации как операции индивидуации имеет глубокие онтологические и методологические следствия. В частности, им подорвана инспирированная Кантом теория познания, в которой возможность познания основывается на конституировании активности субъекта познания. Операция индивидуации не допускает наличия наблюдателя, а потому мысль возникает как одна из фаз в становлении бытия. Трансдукция предстает как процедура, в содержании которой обнаруживается мысль. Она состоит в прослеживании бытия в его генезисе, в завершении генезиса мысли, который совпадает с завершением генезиса объекта [Simondon 1994: 34]. В противовес традиции в теории познания, установленной Кантом, здесь речь идет не об определении условий возможности и пределов познания, а скорее о мысли, сопровождающей реальное оформление индивидуированного бытия. Объект познания появляется только после стабилизации работы индивидуации, когда операция, встроена в её результат, становится невидимой. В этом вуалировании учреждающей операции в полученном ею результате, Симондон находит причину, по которой традиционная фи-

лософия игнорировала операцию индивидуации, целиком сосредотачиваясь на идеальном устройстве объекта знания.

Чтобы решить проблему знания, отличную от кантовского корреляционизма, отделяющего априорные формы от воспринимаемой материи, данной апостериори, Симондон обращает внимание на ситуацию, складывающуюся до разрыва между объектом знания и субъекта познания. С его точки зрения знание обосновывается уже не со стороны субъекта, а со стороны объекта. Он пишет: «Если знание заново открывает линии, которые учитывают интерпретацию мира согласно устойчивым законам, то это происходит не потому, что они существуют в субъекте в априорных формах чувственности, связь которых с грубыми фактами действительности была бы необъяснима; это происходит потому, что бытие субъекта и бытие объекта возникают из одной и той же примитивной реальности, и мысль, в настоящий момент появляющаяся из необъяснимого отношения между субъектом и объектом, на самом деле продлевает эту начальную индивидуацию; условия возможности знания являются, по факту, причинами существования индивидуированного бытия» [Simondon 1994: 264].

Таким образом, одним жестом Симондон избегает как субъективизма, так и объективизма, утверждая, что исследование условий возможности познания решается в связи с проблемой становления бытия. Кроме того, он критикует теорию познания, требуя, чтобы она сместила приоритеты: с точки зрения концепции индивидуации можно учесть возможность получения знания индивидуированного бытия через *описание* процесса его индивидуации. И поскольку «существование индивидуированного бытия в качестве субъекта предшествует познанию, проблема условий возможности познания решается в пределах онтогенеза субъекта. Как Симондон пишет, «мы не можем, в обычном смысле слова, знать индивидуацию; мы можем только индивидуировать, индивидуируя себя, и индивидуализируясь в пределах самих себя» [Simondon 1994: 36]. Познание индивидуации, — хотя правильное было бы говорить об описании, а не о познании, — предполагает индивидуацию познания: «Бытие может быть понято через познающего субъекта, но индивидуация бытия может быть схвачена только через индивидуацию познания субъекта» [Simondon 1994: 36]. Следовательно, проблема обосновывающего знания снята.

То, что Симондон остался неуслышанным, объясняется противоположностью его концепции господствующей в то время тенденции к умеренному плюрализму, смягчению или устранению различий с помощью демократических институтов и неприятию всего, что не поддается контролю и управлению. Содержащаяся в его взглядах апология неустойчивости бытия, и трактовка индивидуации как непрекращающегося процесса порождения индивидуальных сущностей, которые имеют самостоятельный онтологический статус, диссонировали с мифом о вертикальной иерархии мира и подрывали основы доминирующего в теории познания корреляционизма. Вдобавок к этому Симондон покусился на святая святых научного познания — редукционистскую модель объяснения, которая предполагает сведение объясняемого объекта к общему закону, типу, одним словом — общей сущности. Нередуцируемые объекты, по умолчанию, рассматриваются ею как чуждые науке и исключаются из проблемной области науки или же квалифицируются как эмердженты. Таковыми, по сути, являются все индивидуальные, единичные объекты. Разработанная Симондоном концепция индивидуации содержит частичное решение проблемы познания индивидуальных сущностей, заключающееся в том, что познание сводится им к описанию процесса индивидуации. Но этого, как оказалось, недостаточно для полного прояснения условий, механизма и результатов индивидуации. Речь идет в первую очередь о последней стадии индивидуации — рождении актуальной индивидуальной сущности, «этости» в упомянутом выше смысле. Оригинальное решение этой части проблемы предложил Мануэль ДеЛанда, который связал индивидуацию с концептом эмерджентности, реанимировав последний и обогатив его достижениями современной науки.

Как и Симондон, ДеЛанда движим идеей преодоления методологических и концептуальных различий между естественно-научным и социально-гуманитарным знанием и пытается продемонстрировать возможность их единства, опираясь на достижения современной науки. Он без стеснения использует понятия, заимствованные из математики, физики, биологии и специфицированные применительно к социальной и гуманитарной сфере, а также иллюстрирует свои утверждения примерами из различных областей, — от клеточного обмена и грозы до локальных рынков. Будучи реалистом в философии, Де Ланда признает существование объективной реальности, представленной конкретно существующими объектами, которые исторически случайно возникли из эмерджентных свойств, сил и тенденций, и сами являются эмерджентами. Он говорит о необходимости реабилитации концепта эмерджентности, незаслуженно, по его мнению, преданного забвению, и считает, что пессимизм представителей первого поколения эмерджентистов относительно возможности познания эмерджентных феноменов основан на узком понимании содержания и цели научного объяснения, ограниченных логической операцией выведения или сведения. В современной науке и философии объяснение трактуется намного шире, как творческий процесс прояснения условий и механизмов, оказывающих каузальное воздействие и обуславливающих появление объясняемого объекта. Поэтому эмерджентный объект может быть понят, если проследить историю его возникновения, со всеми пунктами в ней и механизмами, его порождающими. То есть, всегда можно обнаружить серию событий, которые продуцируют эмерджентный эффект. Это силы, свойства и тенденции, которые, по ДеЛанда, рождаются в «пространстве возможностей», совпадающем по смыслу и содержанию с до-индивидуальным у Симондона. Важнейшей характеристикой этого пространства ДеЛанда считает топологическое строение, отличающее его от евклидова пространства. Объекты, расположенные в пространстве возможностей, ДеЛанда называет, как и Симондон, сингулярностями, заимствуя этот термин из математики и космологии и интерпретируя его как единичное состояние, обладающее возможностями-потенциалами, но еще не подчиняющееся каким-либо законам и не имеющее пространственно-временных координат. Иными словами, сингулярность — это абсолютная возможность, как её трактуют в теории Большого Взрыва.

Главный вопрос состоит в том, чтобы выяснить, как осуществляется переход из пространства возможностей в актуальное состояние. В поисках ответа ДеЛанда использует ресурсы физики и математики. В частности, он обращает внимание на «вариационный принцип», сформулированный в 1662 году Пьером Ферма применительно к классической механике и продемонстрированный на примере света, который, проходя расстояние между двумя пунктами, выбирает путь, занимающий наименьшее время. В 1744 году Леонард Эйлер дополнил этот принцип, предложив метод нахождения кривых, обладающих свойствами максимума или минимума. Для этого он подключил возможности дифференциального исчисления, которое к тому времени стало основной математической технологией, используемой в большинстве моделей классической физики. Вот к какому выводу пришел Эйлер: «Действительно, так как здание всего мира совершенно и возведено премудрым творцом, то в мире не происходит ничего, в чем не был бы виден смысл какого-нибудь максимума и минимума; поэтому нет никакого сомнения, что все явления мира с таким же успехом можно определить из причин конечных, при помощи метода максимумов и минимумов, как и из самих причин производящих» [Эйлер 1934: 447]. Эйлера поддержал Пьер Луи де Мопертюи, в 1746 году предложивший самую общую формулировку вариационного принципа: при изменениях в природе, количество необходимого для этого действия, является наименьшим из возможных. К середине 19-го века всем процессам (механическим, оптическим, электростатическим), изучаемым классической физикой, придали вариационную форму, которую обобщенно, можно свести к принципу минимальности. Он представляет собой требование минимизации различий между потенциальной энергией (энергией положения) и кинетической энергией (энергией движения).

В начале 20-го века Анри Пуанкаре использовал топологию для исследования структуры пространства возможных решений определенных математических моделей, создаваемые для того, чтобы предсказать будущие состояния частного физического процесса. Одно уравнение представляет решение для одного состояния, а пространство всех решений известно как «пространство состояний» или «фазовое пространство». Пуанкаре установил, что структура пространства состояний определяется различными типами сингулярности: она может быть точечной, иметь форму замкнутого контура и хаотичной. Тенденция к различным формам (устойчивой, периодической, турбулентной) может быть предсказана. Это играет важную роль в объяснении эмерджентных свойств не только простых физических процессов, но и сложных, нелинейных, пространство возможностей которых структурировано сингулярностями любого из указанных выше типов.

В физике и химии пространство возможностей имеет форму «фазового пространства», структура которого представлена топологическими инвариантами, названными «аттракторами». Эти аттракторы допускают определенные степени свободы при изменениях физических и химических систем. Выше уже говорилось о том, что Л. Эйлер доказал, что изменения в фазовом пространстве могут быть объяснены с помощью метода максимумов и минимумов. То есть, возможности, открытые для изменения физических систем не являются бесконечными, они ограничены, и предпочтение имеют те изменения, результаты которых минимизируют различие между потенциальной и кинетической энергией. Иными словами, динамика большинства классических систем притянута к точке минимума (аттрактору) в пространстве возможностей, которая определяет их длительные тенденции.

В биологической и социальной сфере пространство возможностей имеет более сложную структуру, хотя его также можно представить как разновидность фазового пространства с более сложным распределением топологических инвариантов. ДеЛанда различает две разновидности таких инвариантов [DeLanda 2006: 29]:

(1) Универсальные сингулярности, под которыми понимаются специфические топологические особенности, разделяемые многими системами. В биологической систематике это может быть тип. Например, тип хордовых, к которому принадлежит человек, представляет собой абстрактный план телесного устройства, общий для всех позвоночных животных. Его можно рассматривать как пространство возможностей (пространство всех возможных позвоночных проектов), и описывать не с помощью понятий длины, площади и объема, а такими топологическими терминами, как инвариантная связь различных частей.

(2) Индивидуальные сингулярности, к которым относятся топологические особенности меньших таксономических единиц.

В этом примере эволюция от универсальных сингулярностей к индивидуальным — это процесс не логического, а исторического дифференцирования, включающий дивергентное развитие всех позвоночных животных, реализующую абстрактный телесный план. Между начальной точкой (универсальной сингулярностью) и конечной точкой (индивидуальной сингулярностью) лежат точки бифуркации. Различия между индивидуальными сингулярностями, принадлежащими к одной универсальной сингулярности, объясняется разнообразием факторов и условий, влияющих на их становление. Так, различие между обществами одного типа может быть обусловлено влиянием климата, географии, соседей по жизненному пространству, наличием животных и растений, пригодных для domestikации.

Де Ланда делает вывод: в нелинейных процессах, которые составляют большинство в природе и в человеческом мире, всегда присутствует несколько возможных тенденций и несколько возможных исходов, и тот, который реализован в настоящий момент, в значительной степени является случайным продуктом истории процесса. Иными словами, текущее состояние не может быть выведено из одного только уравнения, потому что на него влияет вся история пути, которая стоит за процессом, и которую можно реконструировать.

Есть и эпистемологические последствия, имеющие отношение к сингулярностям. Эмерджентный феномен возникает благодаря взаимодействиям и связям между элементами и частями в до-индивидуальном состоянии. Эти элементы и части, в свою очередь, имеют свою структуру, свои особенности, но мы от них абстрагируемся, когда объясняем конечный результат. ДеЛанда так пишет об этом: «Сущность, способная к изменениям внутри определенных границ, непосредственно не влияет на появление эмерджента. Это онтологическое безразличие приводит, в свою очередь, к эпистемологической иррелевантности: давая объяснение результату взаимодействия между двумя различными целостностями, мы не обладаем знаниями о составляющих их деталях, и не нуждаемся в них, ибо они излишни для объяснения взаимоотношений между целостностями. Например, при изучении такого комплексного феномена, как гроза, мы должны описать взаимодействия на стадии её зарождения таких цельных процессов, как периодические воздушные потоки, градиенты температуры и давления. Но за скобками объяснения останутся детали, например, молекулярный состав градиентов интенсивности или воздушных потоков. Поскольку к одному и тому же температурному градиенту может привести множество различных комбинаций молекул, их описание при объяснении механизма грозы является избыточным [DeLanda 2002: 69–70].

Обращаясь к концепту эмерджентности, ДеЛанда объясняет пессимизм британских философов в отношении получения знания об эмерджентных свойствах и способностях не только ограниченным пониманием содержания и цели научного объяснения, но состоянием естествознания того времени. Произшедшие в двадцатом веке открытия в области квантовой механики, молекулярной биологии, и нейрофизиологии, инициировали пересмотр этого заключения. То, что раньше квалифицировалось как эмерджент, то есть не только внезапно возникшее, но и совершенно нередуцируемое явление, перестало быть тайной для науки. Авторы современных работ, посвященных проблеме эмерджентности, предлагают различать сильную и слабую её версии [Emergence 2008]. Представители первой утверждают, что эмерджентными являются феномены, которые невозможно предвидеть и нельзя объяснить даже «задним числом», уже после того, как они появились. То есть, эмерджентия несовместима с редукцией. Сторонники слабой версии согласны с тем, что эмерджентные объекты появляются внезапно, неожиданно и непредсказуемо, но после того, как они обрели актуальное бытие, их возникновение можно теоретически реконструировать.

Как видим, принципиальные разногласия возникли при обсуждении вопроса о том, являются ли свойства, признаки, характеристики объекта эмерджентными, если они редуцируемы. Можно ли получить определение детерминации или зависимости способом, который исключает редукционизм?» Иными словами, как можно быть материалистом и в то же время допускать существование новых, неуправляемых сил на уровне сложных организаций? Д. Ким, один из тех авторов, кто пишет по этой проблеме, приводит слова Самюэля Александера, стоящего у истоков эмерджентной традиции: «Быть реальным — значит обладать каузальными полномочиями» [Kim 2008: 436]. То есть, если эмерджентный феномен является реальным, то он должен обладать способностью к нисходящей каузации. И единственным кандидатом, отвечающим этому требованию является сознание и формы его объективации. Не случайно, возобновление интереса к концепту эмерджентности связано с успехами нейробиологии в исследовании мозговой активности человека и его когнитивных способностей. Полученные здесь результаты стали поводом для того, чтобы попытаться решить психофизическую проблему, измучившую не одно поколение философов.

Эмерджентные объекты представляют собой целостности, состоящие из частей, которые не сливаются в тотальное, как образно выражается ДеЛанда, «бесшовное» единство, но могут существовать самостоятельно, вне целого, обладая своей историей и специфическими свойствами [DeLanda 2011a: 385]. Они являются нередуцируемыми, то есть, свойства частей в них не сводятся к свойствам целого и наоборот. Развивая свой концепт эмерджентии, ДеЛанда называет их «ассамбляжами» (сборками) [DeLanda 2006: 4]. Идентичность таких

объектов мыслится как продукт исторического процесса, в ходе которого происходит объединение компонентов, а также поддерживается целостность через регулярные взаимосвязи между частями. То есть, ассамбляжи всегда являются исторически случайными синтезами разнородных компонентов, и их невозможно познать через простое суммирование свойств этих компонентов. ДеЛанда делает такое заключение: ассамбляжи — это устойчивые онтологические единицы, уникальные и сингулярные индивидуалии [DeLanda 2006: 28]. При этом термин «индивидуалия» распространяется им на характеристику индивидуальных сообществ людей, индивидуальных атомов и молекул, индивидуальных видов и экосистем и т. д.

В отличие от бесшовных, органических целостностей, отношения между частями которых носят интериорный характер, ассамбляжи характеризуются экстериорными отношениями. Это означает, что их компоненты могут быть исключены из одного ассамбляжа и включены в другой, с иными интеракциями. То есть, экстериорный характер отношений подразумевает определенную автономию для условий, которые они связывают. Поэтому свойства компонентов не связаны линейной каузальностью с отношениями, которые образуют конкретную сборку, хотя влияют на то, как компоненты реализуют свои способности. ДеЛанда обращает внимание на принципиальное различие свойств и способностей, иллюстрируя это примером с ножом, который может быть острым или тупым, и это его свойство является актуальным и определяется треугольной формой поперечного сечения лезвия [DeLanda 2011b: 9–10]. Способность же ножа резать не является актуальной, но проявляется только тогда, когда есть нечто, что можно разрезать. А способность убивать — тогда, когда возникают живые объекты, обладающие способностью быть убитыми. Список свойств, которыми обладает объект, является конечным, тогда как перечень способностей всегда остается открытым, поскольку зависит от свойств других взаимодействующих компонентов. Примером экстериорных отношений можно служить симбиоз растений: черные орхидеи могут опыляться только осами, поэтому отношения между ними полезны и увеличивают шансы обеих сторон на выживание. Если в тотальностях бесшовного типа связи между компонентами являются условно необходимыми, то в ассамбляжах они имеют условную обязательность. Это объясняется, в том числе, тем, что компоненты в составе ассамбляжа чаще всего являются гетерогенными. Так, экосистемы включают множество видов животных и растений, географические и климатические условия, человеческие общества, отношения между которыми являются переменной величиной и в разных экосистемах играют разные роли.

Компоненты ассамбляжа, которые стабилизируют его идентичность, Де Ланда обозначил с помощью понятия «территориализация» [DeLanda 2006: 12]. Это понятие следует трактовать буквально, как определенные пространственные границы, в которых существует тот или иной ассамбляж. Например, переговоры «лицом к лицу» всегда проходят в отграниченных местах (на улице, в баре, офисе), и как только участники убеждаются в присутствии друг друга, разговор приобретает четко обозначенные границы. Понятие «территориализации» выполняет синтетическую функцию, так как выражает процесс, в ходе которого из частей возникает целое, а потом сохраняет в пределах этой территории свою идентичность. Территориализация — это также процесс гомогенизации частей целого. Примером может служить образование популяции, народа, государства. И, наоборот, процесс, который дестабилизирует пространственные границы или увеличивает внутреннюю разнородность, называется дестерриториализацией [DeLanda 2006: 12]. Его иллюстрацией являются информационные технологии, — от письма до интернета, — которые размывают пространственные границы социальных объектов и позволяют образовывать общности из индивидов, разбросанных по всему миру.

В границах территориализации происходит полная артикуляция компонентов ассамбляжа, прояснение их роли. Дополнительную выражение и стабилизацию ассамбляжа обеспечивает по ДеЛанда, процедура кодирования, которая катализирует синтез элементов ассамбля-

жа и укрепляет его идентичность. Кодирование осуществляется разными способами, но чаще всего с помощью слов и генов. Оба являются носителями информации, её выразителями. Например, физическая информация, получаемая астрофизиками в ходе наблюдений за небесными телами, помогает идентифицировать химические элементы, присутствующие в этих телах. Кодирование — это экспрессивная функция, выполняемая элементами ассамбляжа только тогда, когда есть адресат и инфраструктура. Например, отпечатки пальцев содержат информацию о конкретном индивиде и позволяют его опознать, но если нет организации, которая создает базу этих отпечатков и обеспечивает доступ к ней, эта информация не имеет ценности.

Ассамбляж существует как популяция, которая воспроизводится через одни и те же повторяющиеся процессы. Популяции взаимодействуют друг с другом, реализуя определенные способности. Небольшие популяции могут стать частью больших популяций, но при этом сохраняют свою автономию. В качестве примера ДеЛанда приводит процесс формирования национальных рынков. Он начинается с образования местных рынков, базаров, где происходит обмен или купля-продажа товаров, изготовленных в небольшой по размерам округе. Этот рынок отличается относительной гомогенностью. Затем следует региональный рынок, включающий множество местных рынков, расположенных на большей по масштабам территории. Он объединяет разнородных производителей и имеет более разветвленную инфраструктуру. Национальный рынок включает в себя все местные и региональные рынки, интегрирует их в ассамбляж, который внешне похож на сеть неупорядоченного плетения.

Компоненты ассамбляжа играют содержательную и экспрессивную роли, которые могут меняться, но в любом случае они имеют задачей придать ассамбляжу определенную идентичность. Содержательные компоненты включают в себя весь набор каузальных факторов, а экспрессивные играют роль катализаторов: звуки, запахи, цвета, манеры усиливают действие материальных факторов или же выполняют функцию триггеров.

Механизмы территориализации, детерриториализации и кодирования являются каузальными, но это — нелинейная каузальность. В состав социальных ассамбляжей обязательно входят мотивы и ценности. Формула: «Одна причина — одни следствия» не пригодна для ассамбляжей. Даже если бы у нас было бы сообщество генетически идентичных людей, практикующих курение табака, это не привело бы к возникновению у всех них ракового заболевания легких. Решающую роль здесь играют индивидуальные особенности: состояние здоровья, характер профессии, питание, образ жизни и другие факторы. В социальных ассамбляжах и в человеческих действиях в состав каузальных механизмов обязательно включены мотивы, ценности, индивидуальные и групповые предпочтения людей. Здесь ДеЛанда ссылается на Макса Вебера, считая, что его понимающая методология недооценена современными социологами или неверно ими трактуется: «Веберовская методология предлагает путь, следуя которым мы можем приблизиться к решению вопроса о механизме социальных ассамбляжей. Этот механизм представляет собой сложный комплекс причин, резонов и мотивов. Сама маркировка действий как рациональных вызывает вопросы, поскольку таковыми считаются все успешные действия. Но часто успех обеспечивают факторы вовсе не рационального свойства» [DeLanda 2006: 69].

Теория ассамбляжей позволяет максимально полно использовать ресурсы аналитического метода. Если в таксономическом эссенциализме роль анализа является исключительно логической и сводится к декомпозиции большего таксона на меньшие, с обнаружением различий между ними, в теории ассамбляжей анализ распространяется на выявление событий, каузально влияющих на ассамбляж. Например, поведение ассамбляжа (клетки) может находиться под воздействием повреждения (раны) или инфекции, которые и должен выявить анализ. То есть, анализ в теории ассамбляжей является не концептуальным, а каузальным, и направлен на обнаружение актуальных механизмов, действующих в данном пространственном масштабе.

В концепции эмерджентности акцент сделан на процессе его производства, а не на перечне свойств, которые характеризуют конечный продукт. Однако, это чрезмерное внимание к истории имеет и недостаток, который состоит в том, что без должного внимания остаются процессы, поддерживающие идентичность объекта в промежутке между рождением и смертью.

Онтологический поворот в современной философии, имеющий главной целью преодоление эпистемологических и методологических затруднений, вызванных длительным периодом доминирования кантовских ограничений, стал катализатором для решения проблем, долгое время пребывавших в «замороженном» состоянии. Одна из них — это онтологический статус эмерджентных объектов, каковыми является большинство индивидуальных единичных феноменов. Анализ с точки зрения теории индивидуации, дополненной концептом ассамбляжа (сборки), позволяет рассматривать их не как несущественные и второстепенные отражения общих сущностей, но как самостоятельные онтологические единицы с сингулярными свойствами, возникшие в результате длительного процесса становления из до-индивидуального состояния. При этом, будучи продуктом процесса индивидуации, единичный объект (вещь, процесс или событие) обладает потенциалом для следующей индивидуации. Это делает его доступным анализу, который может выявить свойства, способности и каузальные механизмы и наметить возможные направления дальнейшего становления. Уникальность единичного, индивидуального объекта объясняется тем, что он представляет собой ситуационную сборку содержательных и экспрессивных компонентов, каждый из которых обладает по отношению к ней полной или относительной автономией. Именно ситуация, то есть конкретное и случайное стечение обстоятельств, условий и факторов, осуществляет «склеивку» этих компонентов в определенный ассамбляж.

Таким образом, предложенная Мануэлем ДеЛанда, теория ассамбляжей позволяет уйти от классической дихотомии единичного и общего, характерной для эссенциалистского и типологического мышления и сосредоточить внимание на актуально существующих феноменах, рассматривая их как продукты индивидуации.

Вильчек Ф. 2017. *Красота физики. Постигая устройство природы*. Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн. — 604 с.

Кузанский Н. 1979. *Сочинения в двух томах. Том 1*. — М.: Мысль.

Куртов М. 2011. Введение к сокращенному переводу заключительной части книги Ж. Симондона «О способе существования технических объектов». — *Транслит*. — № 9. — С. 94–95.

Лейбниц Г.В. 1983. *Сочинения в 4-х томах. Т. 2*. — М.: Мысль.

Локк Дж. 1985. *Сочинения в трех томах. Т. 1*. — М.: Мысль.

Майр Э. 1974. *Популяции, виды и эволюция*. Пер. с англ. — М.: Мир. — 465 с.

Савчук В.В. 2013. Феномен поворота в культуре XX века. — *Концепты культуры. Международный журнал исследований культуры*. — № 1 (10). — С. 93–108.

Свирский Я.И. 2017. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона. — *Идеи и Идеалы*. — № 3(33). — Т. 1. — С. 111–125.

Талейб Нассим Николас. 2017. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. 2-е изд. Пер. с англ. — М.: КоЛибри. — 736 с.

Уайтхед А. 1990. *Избранные работы по философии*. Пер. с англ. — М.: Прогресс. — 720 с.

Фейнман Р. 1987. *Характер физических законов*. Пер. с англ. — М.: Наука. — 256 с.

- Эйлер Л. 1934. *Метод нахождения кривых линий, обладающих свойствами максимума, либо минимума или решение изопериметрической задачи, взятой в широком смысле.* — М.-Л.: Государственное технико-теоретическое издательство. — 600 с.
- Alexander S. 1920. *Space, Time, and Deity*, Vol. 2. — London: MacMillan. — 468 p.
- Alloa E., Michalet J. 2017. Differences in Becoming. Gilbert Simondon and Gilles Deleuze on Individuation. — *Philosophy Today*. — No. 61. — Vol. 3. — Summer. — P. 475–502.
- Braver L. 2007. *A Thing of This World: A History of Continental Anti-Realism.* — Evanston: Northwestern University Press. — 614 p.
- Canguilhem G. 1998. *The Normal and the Pathological.* — New York: Zone Books. — 327 p.
- Chabot P. 2003. *The Philosophy of Simondon. Between Technology and Individuation.* — L.-N.: Bloomsbury. — 167 p.
- Combes M. 2013. *Gilbert Simondon and the Philosophy of the Transindividual.* — The MIT Press Cambridge, Massachusetts. — 142 p.
- DeLanda M. 2002. *Intensive Science and Virtual Philosophy.* — L.: Continuum. — 251 p.
- DeLanda M. 2006. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity.* — L.: Continuum. — 142 p.
- DeLanda M. 2011a. Emergence, Causality and Realism. — *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism.* — Melbourne. — P. 381–392.
- DeLanda M. 2011b. *Philosophy and simulation: the emergence of synthetic reason.* — L.: Continuum. — 233 p.
- Emergence... 2008. *Emergence: Contemporary Readings in Science and Philosophy.* Eds. M. Bedau and P. Humphreys. — Cambridge MA: MIT Press. — 481 p.
- Kim J. 2008. The Nonreductivist's Troubles with Mental Causation. In: *Emergence: Contemporary Readings in Science and Philosophy.* Eds. M. Bedau and P. Humphreys. — Cambridge MA: MIT Press. — P. 431–442.
- Meillassoux Q. 2008. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency.* — L.: Continuum. — 221 p.
- Simondon G. 1994. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information.* — Grenoble. — 581 p.
- Simondon G. 2012. Technical mentality. — In: *Gilbert Simondon: Being and Technology.* — Edinburgh University Press. — P. 1–17.
- Simondon G. 1992. The genesis of the individual. — *Incorporations.* / Ed. by J. Crary, S. Kwinter. — New York: Zone. — Pp. 297–319.
- Toscano A. 2006. *The Theatre of Production. Philosophy and Individuation between Kant and Deleuze.* — New York: Palgrave Macmillan. — 264 p.